

Леонид Шошенский

Истории про Симочку

Вышедшая в «Одесской библиотеке» книга Ефима Зозули вызвала не только рецензии в московских журналах «Огонек» и «Октябрь», но и виртуально, через Интернет, познакомила меня с внуком Ефима Зозули художником Леонидом Шошенским, живущим в Нью-Йорке. У него хранится архив деда, и, надеюсь, мы познакомим с ним читателя. А уже сейчас предлагаем три короткие новеллы Л. Шошенского, написавшего эпизоды из жизни своей бабушки, одесситки, жены Ефима Зозули.

Евгений Голубовский

Личные деньги

Мы жили тесно, в двух комнатах в квартире с соседом, но тесноты никто не замечал, скорее наоборот. У нас были две комнаты, а почти у всех моих приятелей вообще одна, да и соседей было больше. Наш дом назывался почему-то раньше «первый дом правительства». Никакого правительства в нем не было никогда. Жили в доме до войны несколько писателей, вот такое правительство.

Вся квартира раньше была наша, но после войны уплотнили, и получилась коммуналка.

Мой дед, писатель Ефим Зозуля, вместе с Михаилом Кольцовым основали журнал «Огонек». Квартира Кольцова была соседняя, и после возвращения из Испании он, чувствуя приближающийся арест, часто оставался ночевать у нас, зная, что они приходят ночью. Боялся. Так после эту комнату все и называли «Мишина комната».

Кольцова все-таки арестовали, а комнату мои не занимали, ведь его квартиру опечатали, и они думали, что Кольцов вернется

и ему надо будет где-то спать первое время, пока не распечатают его квартиру. Вот такие наивные.

А потом и дед на фронте погиб, и комнату заняли старичок со старушкой, родственники какого-то кагебешника. Это я так рассказал, на всякий случай, история-то совсем не про это.

Гости у нас, несмотря на тесноту, были почти всегда.

К бабушке Симочке приходили такие аристократические дамочки, как говорится, из бывших. Бывшие певицы, балерины, актрисы. Пили кофе, беседовали. Со мной из школы кто-нибудь заскакивал. Да и к маме часто забегали подружки. Дом был удобно для забегания расположен. Угол Столешникова и Пушкинской.

Мы, вовсе не чувствуя тесноты, прекрасно размещались на этих несчастных 13 и 18 метрах, плюс две собаки и домработница. Правда, это все происходило, когда родители не работали. Так как они были художники, то заняты были не каждый день, но если работа была в разгаре, то и история была бы другая, а не эта.

Бабушка получала пенсию, и это были ее личные деньги, а не семейные, и она их прятала под подушку, временно, пока не тратила.

Купюры были большие, еще до реформы 61 года, и часто в силу неправильного хранения из-под подушки вываливались.

Как-то бабушка сидела со своей подругой Валюшей, тоже дамочкой утонченной. Валюша была немного глуховата, поэтому разговор был громкий. Бабушка ей несколько раз крикнула, что у нее нет денег, и ей приходится себе во всем отказывать, конечно, имея в виду духи, поскольку это была основная статья расходов. Бабушка очень любила духи и все время себе их покупала. Валюша тоже сетовала на маленькую пенсию.

Я, услышав эту беседу в силу ее громкости, был искренне удивлен.

«Как нет денег, бабуля? Возьми под подушкой, оттуда вечно сторублевки вываливаются».

Бабушка засмушалась. «Ну что ты, Люлю», – так она меня часто называла, что вызывало во мне всегда бурный протест.

Ничего себе нет денег! И в доказательство правдивости своих слов позвал Валюшу в нашу с бабушкой комнату и, согнав с подушки собаку Нельку, доказал, что не вру.

Бабушка была смущена, что-то лепетала, что только недавно получила пенсию, но я уверял Валюшу, что так почти всегда. Вечно приходится эти сторублевки по всей комнате собирать.

Мама, узнав эту историю, долго хохотала, а я все не мог понять, почему бабушка считает, что «мальчик», так она меня тоже называла, поступил бестактно.

Ведь действительно же вываливаются. Я же ведь правду сказал. Меня всегда учили правду говорить.

Мама говорила, когда я вру, у меня все на лбу написано.

Валюша прочитала бы на лбу, вот стыдно было бы...

Еще про бабушку и немного про Эйнштейна

Моя бабушка Симочка была женщиной необычной, навсегда сохранившей непосредственность восприятия жизни, что было странно, ведь жизнь ее не была легкой. Она потеряла мужа, погибшего в московском ополчении.

Дед мой, известный в 30-е годы писатель Ефим Зозуля, ушел добровольцем на фронт и погиб в первые месяцы войны. Ему было к тому времени 54 года. Он ушел простым солдатом, и только потом все узнали, что он известный писатель, один из основателей журнала «Огонек».

Всю войну бабушка провела в эвакуации, работая и часто недоедая.

Там же была Анна Андреевна Ахматова, с которой бабушка дружила.

В силу своего удивительного характера она могла общаться с людьми совершенно разного круга, и все ее обожали. Она умела дружить и всегда была любима всеми, кто был допущен ею в сердце.

Когда ее не стало, я узнал, что мой друг Андрей приходил к ней, и они подолгу беседовали, и все это происходило помимо меня. Мой друг дружил с моей бабушкой, и я об этом не знал.

Симочка, так все ее звали, родилась в Одессе и получила очень хорошее образование, какое могли дать еврейские зубные врачи своим детям, живя не за чертой оседлости. Семья была состоятельная, и Симочка училась в Одесской музыкальной гимназии, потом в консерватории, а потом и в Берлинской консерватории.

Но что-то неповторимо одесское у нее иногда проскакивало.

Ее фразы, чтобы не забыть, я записывал прямо на стенке в так называемой большой комнате.

Например: «Я слишком долго была девочкой, и это мне так стоило здоровья». Когда она на меня сердилась, она говорила: «Леня, помни, плохо будет». Ей казалось, что это звучит очень грозно, но мне совсем не было страшно.

Во время войны она познакомилась с женщиной Соней, которая работала в торговле и могла доставать продукты. Тетю Соню, красавицу, а по-родительски шутя Соньку-Дримбу, я помню всю жизнь. Она обожала Симочку и считала ее своей приемной матерью, называла Матрой и каждые выходные забирала ее к себе, купала, вкусно кормила и всячески тетешкала.

Соня всю жизнь работала в системе общепита и подкармливала нас деликатесами. Она заработала свои деньги совершенно честно, будучи очень красивой женщиной, она еще до войны работала буфетчицей в вагоне-ресторане поезда Москва – Владивосток, и конечно же, пользовалась вниманием мужчин. Дорога была длинная, и ухажеры покупали у нее в буфете конфеты, шампанское и еще что-нибудь, ухаживая, дарили ей же. На обратном пути Соня продавала это все по второму разу. Вот такой бизнес.

В молодости Симочка дружила со многими легендарными для нас людьми. Она хорошо знала А. Блока, Есенина, Марину Цветаеву и многих музыкантов. Учась в Берлинской консерватории, они устраивали вечера поэзии и музыки, и там она познакомилась с Альбертом Эйнштейном.

То, что бабушка знала Эйнштейна, меня восхищало, и я ее часто просил о нем рассказать, но она все время отказывалась, говоря, что ей нечего о нем рассказывать.

«Ну как нечего? – возмущался я. – Ведь это же Эйнштейн».

«Ты понимаешь, мальчик, – сказала бабушка, – мы все были молодые, а он рано поседел и казался значительно старше нас, и очень плохо играл на скрипке».

Вот такие воспоминания. Зато Рахманиновым она восхищалась. Считала, что он лучший пианист в мире.

Она долго искала могилу деда, и найдя ее спустя 17 лет после войны, до конца жизни дружила с людьми, случайно нашедши-

ми ее в городе Рыбинске. Вот такая была бабуля, бабетта, бабка, а в основном – Симочка.

Духи

Еще одна история про Симочку, рассказанная мамой и ставшая семейной хреникой, как называл эти истории папа.

Когда началась война, люди бросились в магазины закупать самое необходимое – соль, спички, крупу и вообще все то, что закупают в период паники и неразберихи.

Моя семья никогда не отличалась практичностью, поэтому мама не знала, что в этих случаях надо покупать. Денег в доме никогда не было в наличии, поскольку все были людьми свободных профессий и получали гонорары, что происходило не часто, хотя и приличными суммами. Жили всегда широко, тратили все, что было, довольно быстро, – поэтому собрать деньги было непросто.

Что-то наскреблось по сусекам, и все деньги мама отдала Симочке, так все звали бабушку, причем все от мала до велика, и отправила ее в магазин на закупку самого необходимого на случай военной блокады.

Симочка пришла очень довольная, с сумкой, наполненной коробками с духами, причем самыми дорогими.

– Что ты наделала? Ты потратила все деньги на духи, все деньги в доме!

– Ниночка, – удивилась Симочка. – Ведь война, духов же не будет!

Они перенесли войну со всеми ее тяготами, с запахом крови, голодом, холодом и жарой Ташкента.

Запах войны, где бы ни находился человек, всегда запах войны, а они пахли «Красной Москвой», самими лучшими и дорогими духами того времени, и у них всегда были духи, даже когда не было еды.

Симочка была настоящая женщина и до последней минуты своей жизни таковой и оставалась

Ведь действительно, попробуйте во время войны достать духи – и не пытайтесь, точно не достанете.

Нью-Йорк